Пише: Слободан Антонич
четвртак, 30 април 2009 12:40

Перед прошлогодними выборами, коалиция „За европейскую Сербию“ изо всех сил старалась убедить нас в том, что без их еврореформаторского правительства наша страна обязательно вернётся в девяностые. Сегодня, год спустя, наблюдая за событиями, мы понимаем, что, похоже, те самые „ужасные девяностые“ возобновляются в ускорённом темпе.

Во первых, мы очутились в похожей экономической рецессии. Производство и доходы быстро сокращаются, бюджет нереален и неисполним, выплаты зарплат бюджетных потребителей начинают опаздывать, а хуже всего то, что наиболее рассудительные экономисты считают, что настоящих бед мы ещё и не видели. Судя по размаху кризиса, мы сейчас, кажется, ещё где-то в 1992 году, так что, на самом деле, 1993 год нам ещё только предстоит. Уже разрабатываются сценарии краха: империя Мишковича разрушается из-за слишком большой задолженности, наши/иностранные банки испуганно перебрасывают капитал за границу, вкладчики мчатся, чтобы забрать свои сбережения, аргентинский сценарий повторяется... Будь что будет, но 2009 год в Сербии закончится куда хуже, чем начался. Насколько хуже – мы сегодня даже не представляем. Точно так же, как в апреле 1992 не представляли, что нас ждёт в декабре 1992, не говоря уже о декабре 1993!

Сегодня так же, как и тогда, экономический кризис в основном спровоцирован внешними факторами. Тогда это были война и санкции, сегодня – мировая рецессия. Однако, большая доля экономического кризиса вызвана здешней элитой, для которой внешние факторы служат всего лишь хорошим оправданием некомпетентности и кражи. Санкции были и в 1993 и в 1994 годах, но 1993 год – это период бессовестного инфляционного воровства, а в 1994 Аврамович показал, что, даже несмотря на санкции, сохранение относительно стабильной валютно-бюджетной ситуации возможно. Ещё одно сходство с сегодняшним кризисом состоит в том, что сокращение внешнего спроса привело к главному застою в нашей экономике. Хотя она уже была руинирована многолетним дешёвым импортом, отдачей банковского сектора в целом в руки иностранцев, воровской приватизацией и расходами коррупции, которые иногда составляли до 20 процентов от каждой осуществлённой сделки. Согласно рассчётам Младяна Ковачевича, с 2000 года по сегодняшний день наша политическая элита промотала 62 миллиарда

евро (21 миллиард нового иностранного долга, 26 миллиардов от денежных переводов наших рабочих за рубежом, и около 15 миллиардов долларов от приватизации), причём состояние экономики сегодня не лучше, чем в 2000 году. Более того, наше промышленное производство всё ещё ниже, чем в 1998 году! Деньги оказались в карманах у местных магнатов и иностранных банкиров и производителей, наряду с „коррупционными комиссионными“, которые у некоторых наших „еврореформаторских“ политиков составляли несколько миллионов евро на годовом уровне! Видимо, для нашей „еврореформаторской“ политическо-спекулянтской элиты за последние годы приватизация и „транзиция“ стали тем, чем в девяностые для нашей „патриотической“ политическо-спекулянтской элиты являлись война и санкции. Хуже всего то, что захлёстывающий нас глубокий кризис даст возможность ускорить это воровство и экспроприацию нашего с вами имущества, под предлогом мировой рецессии и необходимости в „всеобщем пожертвовании“, и привести дело к своему логическому концу – к обществу богатой и бессовестной транснациональной элиты, и бедной, но информационно и идеологически хорошо убаюканной и вялой массы.

Итак, мы пришли к третьему сходству между Сербией в девяностые и этой сегодняшней – это почти абсолютная информационная монополия. Конечно, так же, как и тогда существовали СМИ, посредством которых можно было услышать отличающуюся от официальной интерпретацию происходящих событий, и сегодня не все газеты в Сербии пишут одно и то же. Однако, все телеканалы, имеющие национальное покрытие, сообщают одно и то же, в то время как почти все региональные и местные каналы варьируют привычные еврореформаторские мантры. После проведения новейшей „информационной реформы“ и приватизации, шансов прочитать что-нибудь, отличающееся от привычного и нудного „Европейскому Союзу нет альтернативы“даже в СМИ, предназначенных для более образованного слоя общества, становится всё меньше. Значимость контролируемых СМИ состоит не только в прикрытии ошибок властей, а в ещё большей степени в заглушении любой позитивной альтернативы. Контолируемые СМИ не только умаляют некомпетентность правящей политической, экономической и культурной элиты. Они делают талантливых и образованных представителей субэлиты (или контрэлиты) общества информационно „невидимыми“. Поскольку позитивной альтернативы нету, граждане, насмотря на недовольство, мирятся с тем, что надо терпеть правящую команду („Какими бы они ни были, лучших нет, правда?“).

Это одновременно и есть четвёртое сходство с девяностыми – слабость и разобщённость оппозиции. Оппозиция – не только партийная, но и экономическая, культурная, социальная (синдикальная) – слаба, потому что граждане не уверены в её компетентости. А граждане не уверены в её компетентности, потому что серьёзные и компетентные сторонники иного мировоззрения не допускаются до широкой публики, и им нельзя продемонстрировать свои знания в связи с релевантными темами. Что касается разобщённости оппозиции – это результат не только тщеславия наших

лидеров, но и организованного разведывательными и иными структурами раскола больших партий. Разница только в местопребывании этих структур (здешние они, или иностранные). Но их подпольная работа сегодня так же значима для стабильности власти и нестабильности оппозиции, как и в девяностые. Это, конечно, не значит, что любая из фракций сейчас уже расколотой крупнейшей суверенистской партии, СРС, является „предательской“. Это значит всего лишь то, что ловкие ходы иностранцев усиливали уже существующие в этой партии внутренние трения, пока она не растрескалась и непримиримо раскололась. А такой раскол препятствует любому будущему сотрудничеству. В итоге, с одной стороны у нас есть доминирующая правящая партия (ДС), популярность которой, несмотря на кризис, остаётся стабильной, а с другой – рассоренная оппозиция, части которой конкурируют в том, какую из них правящая партия выберет партнёром в каком-нибудь будущем правительстве – точно так же, как и в девяностые.

Поскольку девяностые мы уже испытали на себе, у нас по крайней мере есть представление о том, как выбраться из этого заколдованного круга. Разница есть – на этот раз кризис несомненно более длительный и глубокий. Он заставляет людей искать альтернативные решения, вместо того чтобы удовлетворяться привычными информационными объяснительными матрицами. Эти предприминаемые публикой поиски новых ответов укрепляют независимые СМИ, которые на самом деле являются единственным источником этих ответов, и через которые осуществляется постепенная кристаллизация позитивной альтернативы. Однако, когда ложь правящей элиты и правда окружающей действительности настолько расходятся, правящую элиту всё чаще высмеивают и ругают, даже те, кто в её близком окружении, так что в итоге она теряет уверенность в себе. Потом, однажды на выборах оппозиции всё-таки удаётся набрать больше голосов, чем власть в силах украсть (буквально, или посредством СМИ). Тогда происходит поворот, и контрэлита становится правящей.

Если мы сейчас по структуре кризиса находимся в 1992 году, тогда до такого поворота нам, к сожалению, остаётся наверное ещё много лет терпения и нервотрёпки. Но то, что приносит хоть какое-то утешение, это тот факт, что уже опытное общество на сей раз будет более внимательно наблюдать за теми, кто придёт к власти, не впадая притом в эйфорию безоговорочной поддержки. Или кто-нибудь вправду думает, что сербов история ничему не научила, и что они навеки останутся пленниками „дурной бесконечности“ Гегеля и тёмных сил, правящих этой бесконечностью?

(Перевод: Ана Ацович)